

*д.и.н, профессор, главный научный сотрудник
СОИГСИ им. В. И. Абаева (г. Владикавказ)*

Взаимоотношения Грузии и Абхазии периодически носили натянутый характер. Грузинские и абхазские историки по-разному трактовали древнюю, средневековую и современную историю Грузии и Абхазии, а также их взаимоотношения. Основные разногласия между грузинским и абхазским видением древней истории Восточного Причерноморья остаются до сих пор предметом ожесточенных споров историков¹. Это касается, например, состава населения древней Колхиды. Грузинские историки видели и видят здесь грузиноязычные племена, занимавшие всю ее территорию с незапамятных времен до конца эпохи античности². Они же относили к грузинским племенам такие древние народы Колхиды как керкетов, колхов, санигов, гениохов и др. Следует отметить, что были и такие грузинские авторы, которые придерживались другой версии - «двуаборигенности». Они утверждали, что в Колхиде жили два разных этнических массива: предки грузин и предки абхазо-адыгов (Г. А. Меликишвили, О. Д. Лордкипанидзе, Ш. Лашхия, Н. Ю. Ломоури и др.)³. Но и эти авторы считали, что абхазо-адыги появились там лишь в первых веках н. э. в ходе расселения горских племен по равнине, а ранее в Колхиде жили одни лишь картвелы, т. е. предки грузин.

Грузинская версия древней истории Восточного Причерноморья вызвала немало острых дискуссий и способствовала в определенной степени обострению взаимоотношений Абхазии и Грузии. Новая страница в истории Восточного Причерноморья принадлежит сванскому историку Т. Ш. Мибчуани, который в начале 90-х годов XX в., т. е. во время грузино-абхазской войны 1992 - 1993 гг., обнародовал свою версию древней истории Колхиды⁴. По мнению Мибчуани, вся территория между рекой Чорохи и Гагрой была ареалом древнего расселения сванов. По существу, сванский историк разработал сваноцентристскую концепцию древней истории Колхиды. Традиционную грузинскую версию древней истории Колхиды он попытался разоблачить, хотя не привел достаточно убедительных аргументов. По его версии Эгриси (Колхида) было ранним политическим образованием сванов, которое затем было присоединено к Лазике. По версии Мибчуани сваны подверглись ассимиляции со стороны мегрелов. При этом он пытался доказать, что часть

мегрелов до сих пор помнит о своем сванском происхождении. Согласно его версии древнегреческие мореплаватели посетили не вообще картвелов, а непосредственно предков сванов. При этом Мибчуани конкретных примеров и убедительных аргументов не привел. Но, тем не менее, сделал ошибочный вывод о том, что древняя Колхида является именно сванским наследием.

На эту проблему кавказоведения по-другому смотрят абхазские историки. Для них керкеты, гениохи, ахеи, саниги и другие древние племена, которые обитали в приморской и предгорной частях Восточного Причерноморья, были не сванами, а предками абхазского народа (З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-Ипа, Г. А. Дзидзария, М. М. Гунба и др.)⁵. Абхазские историки особое внимание обращают, как правило, на абсиллов и абазгов и пытаются доказать, что появление этих племен, т. е. предков современных абхазов на карте древней Колхиды связано не с их миграцией из-за гор (так считают многие грузинские историки), а с уточнением номенклатуры местных племен, сделанным отдельными позднеантичными авторами (Плиний, Арриан), побывавшими в этих местах и знавшими хорошо историю древних обитателей Колхиды. Согласно версии абхазских историков З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-Ипа и других, предки абхазов с незапамятных времен жили на территории Восточного Причерноморья. Они же доказывают, что грузинское население туда попало значительно позже абхазского. Отсюда абхазскими историками делается вывод, что не было никакой «двуаборигенности»⁶.

Следует отметить, что абхазские историки не разделяют версию грузинских коллег в отношении истории Колхидского царства. Так, например, они считали Колхидское царство не единым централизованным государством, а непрочным образованием, состоявшим из различных племен. Эту версию отстаивали профессор Ш. Д. Инал-Ипа, Г. А. Дзидзария, З. В. Анчабадзе⁷ и другие. Абхазские историки были едины с грузинскими коллегами в том, что Колхидское царство сформировалось на местной основе. В доказательство этой версии приводились убедительные факты и аргументы, особенно археологические. Вместе с тем абхазские историки, на мой взгляд, делали и делают слишком большой акцент на связях Колхидского царства с абхазами.

Соперничество абхазских и грузинских историков находит отражение и в интерпретации появления христианства в Грузии. Есть немало конкретных фактов, которые свидетельствуют о том, что христианство проникло в Грузию и Абхазию одновременно в IV в., хотя и разными путями. Грузинские авторы, освещая этот вопрос, уделяют исключительно большое внимание деятельности святой Нино (Нины), которая пришла в Мцхету из Каппадокии и оказала огромное влияние на

картлийского царя. Влияние святой Нино (Нины) на царя было настолько огромным, что он сделал христианство официальной религией своего царства (Н. А. Бердзенишвили, Ш. А. Амиранашвили, Л. И. Тухашвили, В. В. Беридзе и др.)⁸. Проблема здесь в том, что грузинские авторы сильно преуменьшают, а иногда и замалчивают роль Абхазии в распространении христианства в Закавказье. Так, например, во многих работах грузинских авторов, посвященных истории искусства и архитектуры Грузии лишь вскользь упоминается о раннехристианских храмах на территории Абхазии. Иногда эти очевидные факты просто обходятся грузинскими историками (Ш. А. Амиранашвили, В. В. Беридзе, Н. Ш. Джанберидзе, И. Н. Цицишвили и др.)⁹, что вызывает раздражение у их абхазских коллег.

Следует отметить, что христианство проникло на территорию абазгов, т. е. предков абхазов из Византии еще в IV в. С тех пор Абхазию можно и нужно считать одним из центров христианства на Кавказе. Следует также подчеркнуть, что государственной религией у абазгов христианство стало в VI в. Абхазские авторы, как правило, подчеркивают, что на территории Абхазии (в Питиунте) археологи обнаружили остатки единственного в Грузии трехнефного храма V в., что в 551 году там был построен храм специально для абхазов и что там располагалась резиденция абхазских католикосов, чья духовная власть распространялась на всю Западную Грузию (З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-Ипа, Г. А. Дзидзария и др.)¹⁰.

Еще одна сложная проблема грузино-абхазских взаимоотношений состояла в том, что некоторые принципиальные вопросы истории Абхазии в советское время писались грузинскими авторами. Так, например, в учебнике по истории Абхазии главы, посвященные наиболее дискуссионным вопросам (проблема формирования Абхазского царства), были написаны грузинским историком М. Д. Лордкипанидзе. Она написала свою главу с позиций грузинского шовинизма, делая акцент на преобладании грузинского населения в Абхазском царстве. Фактически она воспроизвела концепцию академика С. Н. Джанашиа, которую абхазские историки не разделяли. Она, например, доказывала, что Абхазское царство было «грузинским политическим образованием». Кроме того, она увидела «стремление абхазского феодального общества приобщиться к более высокому грузинскому укладу жизни»¹¹. В том же учебнике абхазский историк профессор З. В. Анчабадзе в своей части утверждал, что абхазская знать не мирилась со своим подчиненным положением в объединенной Грузии и периодически устраивала мятежи¹². При написании этого учебника четко обнаружилось абхазо-грузинское соперничество историков.

Следующий учебник по истории Абхазии, вышедший в 1986, году содержал те же концептуальные подходы грузинских авторов на историю Абхазии. Интересно

отметить, что партийно-советские чиновники Грузии активно вмешивались в создание этого учебника. Об этом свидетельствует постановление ЦК Компартии Грузии от 25 апреля 1978 года, где содержалось требование обсудить макет учебника на заседании бюро ЦК Компартии Грузии. Эти и другие факты соперничества абхазских и грузинских историков достаточно накаляли в целом грузино-абхазские взаимоотношения. Абхазские историки неоднократно обращались со своими претензиями в ЦК Компартии Грузии и даже в ЦК КПСС. Однако в этих инстанциях, к сожалению для абхазов, грузинская версия и грузинская аргументация оказывались «более убедительными». Это еще более отдаляло Абхазию от Грузии.

Партийно-советское руководство Грузинской ССР через ЦК КПСС добивалось того, чтобы на территории Грузинской ССР, куда входила Абхазия, издавались книги по истории только с согласия грузинских экспертов. В противном случае книги, изданные в автономной республике, объявлялись в Тбилиси «недоброкачественными» и «фальсифицирующими» историю взаимоотношений Абхазии и Грузии. Руководство Грузинской ССР всячески старалось доказать абхазским историкам, что нельзя игнорировать уже существующие научные труды и концепции по истории Грузии и Абхазии, их взаимоотношений с древнейших времен до конца XX века. С этой точкой зрения не соглашались абхазские историки, которые считали, что существующие научные труды и концепции созданы грузинскими историками, а они писали историю с прогрузинских позиций. Абхазские историки приводили конкретные факты преследования историков Абхазии, которым власти в Тбилиси чинили всевозможные препятствия в издании своих научных исследований. Фактически власти в Тбилиси установили контроль над научными исследованиями в области истории, проводившимися в автономиях Грузии.

В Тбилиси удалось установить монополию грузинских историков на освещение истории Грузии, включая ее автономии - Абхазию, Южную Осетию и Аджарию. Убедительным примером сказанного служит преследование властей Грузинской ССР русского археолога, работавшего в Абхазии, Ю. Н. Воронова, труды которого признавались многими видными и признанными специалистами бывшего СССР. В 1978 г. Ю. Н. Воронов издал в Москве книгу «В мире архитектурных памятников Абхазии», которая вызвала среди грузинских историков возмущение и психоз. Так, например, академик АН Грузинской ССР В. В. Беридзе написал на нее разгромную рецензию, где книга была названа образцом фальсификации истории Грузии и Абхазии. Возмущение Беридзе вызвало то, что Воронов будто бы без должного уважения отнесся к грузинской концепции средневековой истории и тем самым заметно фальсифицировал взаимоотношения грузин и абхазов. Беридзе менторским

тоном поучал Воронова за то, что русский археолог будто бы не указал, что Абхазское царство с самого начала включало в себя Западную Грузию и, таким образом, значительный массив грузинского населения. Беридзе считал, что «Западно-Грузинское царство» было зачинателем борьбы за создание общегрузинского государства. Вопреки существующим в историографии Кавказа фактам и аргументам, Беридзе утверждал, что языком письменной культуры Абхазии был грузинский, умалчивая о том, что литературную традицию в ранний период Абхазского царства представлял греческий язык. Весьма спорным представляется и другое утверждение Беридзе о том, что даже в период византийского господства зодчество Абхазии было в большей степени связано с Грузией, чем с Византией. Были и другие суровые обвинения Беридзе в адрес Воронова, что вызывало серьезные возмущения научной общественности Абхазии. В целом солидная книга Воронова была квалифицирована грузинскими специалистами как «тенденциозная и некомпетентная»¹³.

Следует отметить и то, что некоторые рецензии, в том числе и рецензия Беридзе, иногда не публиковались в периодической печати, но, тем не менее, их содержание становилось известно широкой общественности как в Грузии, так и в Абхазии. Они, таким образом, становились предметом острых дискуссий по вопросам взаимоотношений Грузии и Абхазии и формировали общественное мнение.

Следует также отметить, что книга Воронова в 1979 году подверглась публичному сожжению в Тбилиси на проспекте Шота Руставели, а в Академии наук Грузинской ССР она получила название «черной книги». Надо ли доказывать, что такие акты вандализма заметно обостряли противоречия не только абхазских и грузинских историков, но в целом и взаимоотношения грузин и абхазов.

В 70-80 годы в Грузии сурово пресекались издания исторических трудов, в которых содержались новые факты, заслуживающие внимания версии (по сравнению с установившимися в грузинской историографии версиями) по истории Грузии и Абхазии. В этой связи еще раз хочу подчеркнуть, что историю формирования Абхазского царства и все, что было связано с ним, давались исключительно в соответствии с концепцией С. Н. Джанашиа. Отступление от этой концепции сурово каралось. В пример можно привести брошюру, изданную в Тбилиси и посвященную развитию археологии на территории Грузии. Ее автор - грузинский археолог О. Д. Лордкипанидзе весьма поверхностно упоминает об археологических исследованиях в Абхазии. Он обошел вниманием тот факт, что абхазские авторы считали «древнеабхазским наследием»¹⁴. Эти факты, разумеется,

раздражали абхазских историков, которые все больше отдалялись от своих грузинских коллег. Приведу еще один факт преследований абхазских ученых, которые, наверное, в своих научных исследованиях допускали ошибки и оплошности. Однако здесь речь идет об исследованиях абхазских историков, этнографов, фольклористов, которые в целом создавали солидные научные труды, но, тем не менее, подвергались всевозможным гонениям. Так, например, в книжном издательстве в г. Сухум долгое время пролежала рукопись книги абхазского филолога С. Л. Зухбы об абхазском фольклоре. Она была опубликована только после «обработки» Зухбы партийно-советскими органами. Следствием этой «обработки» стало то, что Зухба вынужден был убрать критику в адрес грузинских исследователей, а содержание своей книги привел в соответствие с грузинской версией истории.

С большим раздражением абхазские специалисты восприняли юбилейную энциклопедию «Грузинская Советская Социалистическая Республика», вышедшую в 1981 г. к 60-летию Грузинской ССР. Абхазские историки сочли ее антиабхазским изданием, где закрепились диктат и давление грузинской историографии над абхазской. Особо возмутили абхазских специалистов помещенные в энциклопедии исторические карты, представлявшие Абхазию древнегрузинской территорией, местом процветания раннегрузинских царств¹⁵. Конечно, абхазские исследователи иногда, стараясь «перетянуть одеяло на себя», допускали поверхностные рассуждения, ошибки и даже выпады в адрес грузинских историков. Так, например, в монографии абхазского археолога М. М. Гунбы «Абхазия в I тысячелетии нашей эры», изданной в 1989 г. в Сухуми, наряду с солидными, обоснованными выводами имеются, на мой взгляд, поверхностные рассуждения, труднодоказуемые версии, которые раздражали грузинских историков, вызывая у них адекватную реакцию. Вся научная концепция М. М. Гунбы сводится к следующему: 1. Абхазы самое древнее население Абхазии. Предки абхазов населяли территорию нынешней Абхазии со времен Колхидского царства; 2. Цебельдинская археологическая культура является абхазской, а не грузинской (доказывая эту версию он не привел убедительных аргументов); 3. В эпоху поздней античности и раннего средневековья предки абхазов стояли на высоком по тем временам уровне развития (в этом отношении предки грузин их не превосходили) и сами формировали свои политические объединения, т. е. без вмешательства и помощи грузин; 4. Не было никакой зависимости абхазских раннегосударственных образований от Лазики (государство в Западной Грузии во II-IV вв., а с VIII в. - в составе Абхазского царства)¹⁶; 5. Абхазы приняли христианство без помощи лазов; 6. Абхазское царство создали предки абхазов и они же населяли

его (в грузинской историографии существует традиция, которая раздражает абхазских историков, а суть ее сводится к тому, что Абхазское царство «считается» грузинским, и его основное население было грузинским); 7. Абхазы никогда не составляли единства с грузинами, хотя Абхазское царство было, говоря современным языком, многонациональным государством, но руководили этим государством сами абхазы, которые проводили самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику.

М. М. Гунба, таким образом, отстаивал идею самостоятельности и независимости абхазов и Абхазии. В целом в такой постановке вопроса трудно найти что-либо некорректного и предвзятого. Тем более, когда грузинские коллеги своими исследованиями сами подталкивали абхазских историков на создание суперпатриотических сочинений. Однако в погоне за патриотичностью М. М. Гунба сформулировал и ряд достаточно спорных выводов. Так, например, он искусственно удревяяет принятие христианства в Абхазии, доказывая, без веских аргументов, что ее царь крестился в начале IV в. Абхазский исследователь не привел серьезные аргументы в пользу своей версии о том, что Абхазия раньше, чем Грузия приняла христианство. По версии М. М. Гунбы Абхазия является одной из древнейших христианских стран. Такие выводы, как правило, опровергались грузинскими специалистами, которые постоянно дискутируют с коллегами из Абхазии. Эти дискуссии, как правило, выходили и выходят за рамки научной этики, затрагивая общественно-политические проблемы современности и обостряя отношения между Абхазией и Грузией.

Некоторые абхазские исследователи доставили и доставляют неприятности и «головные боли» грузинским коллегам. Среди таких абхазских исследователей, на мой взгляд, особое место принадлежит видному ученому-кавказоведу, одному из крупнейших этнографов Кавказа Ш. Д. Инал-Ипа (кстати сказать, ученик известного грузинского этнографа, академика АН Грузинской ССР Г. С. Читая). Доктор исторических наук, профессор Ш. Д. Инал-Ипа известен в Абхазии и Грузии не только как автор крупных работ по различным аспектам истории абхазского народа, его взаимоотношений с Грузией, но и как активный, авторитетный защитник истории, языка, культуры абхазского народа и изменения политического статуса Абхазии. Опубликованные работы Ш. Д. Инал-Ипы имели большой общественно-политический резонанс как в Абхазии, так и в Грузии. Многие из них оказали большое влияние на развитие национального самосознания абхазов. Большинство грузинских историков, как и грузинские власти, считают его «абхазским националистом», который рассматривает с проабхазских позиций древнюю,

средневековую и современную историю Грузии и Абхазии. В монографиях «Абхазы (историко-этнографические очерки)» (Сухуми, 1965), «Вопросы этнокультурной истории абхазов» (Сухуми, 1976) он затронул важнейшие проблемы взаимоотношений грузин и абхазов с древнейших времен до конца XX века. У Ш. Д. Инал-Ипы вызывали серьезные возражения отдельные гипотезы грузинских историков, связанные с составом древнего населения Колхиды. Абхазский исследователь приводил факты, опровергающие (или хотя бы ставящие под сомнение) бытующий в грузинской историографии тезис о приходе предков абхазов из-за Кавказского хребта к началу н. э. Ш. Д. Инал-Ипа приводил аргументы и против другого тезиса, утвердившегося в грузинской историографии - отождествлять почти все древние племена Восточного Причерноморья с предками только грузин и игнорировать абхазский фактор¹⁷.

Научная концепция происхождения абхазского народа и его истории, по Инал-Ипа, сводится к следующему: 1. Абхазия с древнейших времен была родиной абхазов; 2. В образовании Абхазского царства главную роль сыграл абхазский элемент. Абхазское царство возникло на основе Абхазского княжества, где Абхазия и абхазская знать играли доминирующую роль. Первый период существования Абхазского царства со столицей в Анакопии (нынешний Новый Афон), абхазский исследователь характеризовал как «национальный период», указывая, что царство сложилось на абхазской основе. Со временем царская резиденция была перенесена в Кутаиси, а в состав царства вошло грузинское население. Многие грузинские исследователи называли Абхазское царство «грузинским государством», что и утверждалось в грузинской историографии. Ш. Д. Инал-Ипа же, в противовес утвердившемуся в историографии Грузии тезису, называл Абхазское царство со столицей в Кутаиси «абхазо-грузинским объединенным государством», а не «грузинским». Ученый подчеркивал, что в «абхазо-грузинском объединенном государстве» абхазы были доминирующей силой, продолжая играть в нем важнейшую политическую и военную роль. Одним из главных аргументов ученый-кавказовед считал надпись на монете XI в., которая гласит: «Георгий - царь абхазов и грузин»¹⁸; 3. До окончания Кавказской войны, т. е. до 1864 г., вся территория Абхазии была занята в основном абхазами. С 60-х годов XIX в. этнодемографическая ситуация в Абхазии резко изменилась в пользу грузин, когда на территорию Абхазии усиленными темпами переселялись грузины, ставшие там искусственно доминирующим народом (этот вывод ученого, который представляется в целом убедительным и обоснованным, вызывал и вызывает раздражение, а иногда и озлобленность у грузинских коллег).

Постоянные поиски аргументов в пользу идеи если не старшинства абхазов по сравнению с грузинами, то хотя бы равенства абхазов и грузин вызывали самую бурную негативную реакцию у грузинских исследователей. Следует особо подчеркнуть, что в мою задачу не входит определение точной статистики трудов грузинских и абхазских исследователей о грузино-абхазских взаимоотношениях с древнейших времен до наших дней. Невозможно с точностью определить сколько раз и в чем конкретно допустили ошибки грузинские и абхазские исследователи. Задача состоит в том, чтобы заострить внимание на отдельных работах (все изданные в Сухуми и Тбилиси работы не под силу проанализировать даже целому научно-исследовательскому институту), где, на мой взгляд, в изложении некоторых вопросов истории субъективный подход автора преобладает и становится доминирующим. Эти работы, по моему убеждению, занимают особое место в информационном пространстве Абхазии и Грузии, в целом Кавказа. Безусловно, такие работы на исторические темы встречаются во всех республиках, и не только Кавказа. Однако на Кавказе они имеют свою особую специфику, направленность и негативные последствия. История здесь стала полем ожесточенного боя идеологических и межнациональных сражений, в которых отчетливо просматриваются интересы различных народов и политических сил.

Не имея возможности подробно останавливаться на каждой работе грузинского или абхазского исследователя, мы решили, на основе анализа имеющейся литературы, кратко изложить грузинское и абхазское видение древней, средневековой и современной истории Грузии и Абхазии, грузино-абхазских взаимоотношений с древнейших времен до настоящего времени. *Итак, грузинская историография утверждает, что:* 1. Предки абхазов были частью грузинской общности, т. е. абхазы были и есть разновидность единого грузинского народа (Джавахишвили, Джанашиа); 2. Предки абхазов - апсилы, были грузинским (картвельским) племенем, а в VIII в. Абхазию заселяли исключительно грузинские племена (Ингороква); 3. Предки абхазов тоже жили в Колхиде в античный период (Джавахишвили, Джанашиа); 4. В Колхиде не было предков абхазов (Ингороква); Непрерывная грузинская государственная традиция в Восточном Причерноморье определяется в 2500 лет (Микеладзе) и в 3000 лет (Бердзенишвили, Меликишвили). Таким образом, грузинское государство существовало в Восточном Причерноморье за две тысячи (или за две тысячи пятьсот) лет до появления там абхазского государства; 5. Абхазское царство было грузинским («западногрузинским») государством и его основным населением были грузинские племена картов, мегрелов и сванов. Свое название царство получило будто бы по имени династии,

но почему династия называлась «абхазской», грузинская историография четкого и аргументированного разъяснения не дает (Ингороква, Джанашиа); 6. Грузинская государственность возникла раньше, чем где-либо в Европе. Наличие собственной древней грузинской государственности начинается с XV в. до н. э. («древняя Колхида») (Меликишвили, Лордкипанидзе, Микеладзе, Тухашвили и др.); 7. Урарту (древнее государство IX-VI вв. до н. э. на территории Армянского нагорья, в том числе на территории современной Армении) тоже было «грузинским государством», а урарты (халдеи) были картвельским (грузинским) племенем; 8. Урарту было «полугрузинским государством и жили там картвельские племена» (Тухашвили); 9. Другим древним грузинским государством грузинская историография признает в Малой Азии Фригийское царство, созданное мушками (мосхами), которых большинство грузинских авторов признает грузинами (Меликишвили); 10. Абхазы на территории Абхазии не являются аборигенным народом. Они являются поздними пришельцами с Северного Кавказа (примерно с XVII в.); 11. Древние джики, абазги и апсилы были грузинскими племенами, но «скифы-оккупанты» («скифы-агрессоры») в XIV-XVI вв. захватили их земли и присвоили себе их название; 12. Средневековые абхазы были этническими грузинами. Абхазия в древние и средневековые времена была исторической областью Грузии, где издревле обитали грузины. В культурном и политическом отношении абхазские цари были грузинами; 13. Исконными обитателями Колхиды были грузины (колхи-мегрелы, сваны и месхи), а апсилы и абазги пришли туда в I—II вв. н. э. Не грузины, а абхазы положили начало формированию грузинского государства, и именно их цари, несмотря на свои этнические абхазские корни, создавали объединенную, многонациональную, мощную Грузию (Мухелишвили); 14. Абхазы являются недавними пришельцами на «гостеприимной земле Грузии» и никогда не испытывали никаких притеснений со стороны грузин и руководства Грузии. Используя тысячелетнюю доброту грузинского народа, с его вежливого согласия с Северного Кавказа пришли на грузинскую землю адыгские племена (апсилы и абазги) «два века назад», т. е. в XVIII в. и грузины поселили их в сердце грузинской земли... Племена «пришедшие в гости», назвались именем древнего грузинского племени - абазгов и, обнаглев от грузинского простодушия, «даже навязали адыгский язык грузинскому абхазу, который в течение тысячелетий, кроме родного грузинского, на другом языке и звука не мог издать. Теперь пришелец из-за гор, плющом окутавший наше национальное тело, оспаривает нашу землю»¹⁹; 15. Абхазы со временем сближались с грузинами и отличались от современных адыгов, а абхазский язык был принесен в Абхазию горцами из Северного Кавказа, пришедшими на территорию Абхазии в XVI-XVII вв.

(Ломоури). Апсилы и абазги всегда входили в «грузинское этническое единство», а современные абхазы фактически являются «апсуйцами». Причем новое грузинское название абхазов - «апсуйцы» находит большой спрос в современной Грузии; 16. Абхазские сепаратисты, не знающие подлинную историю грузинского и абхазского народов, совершили «преступление против человечества», а абхазские ученые-историки преднамеренно фальсифицируют историю абхазского народа с целью насильственного отрыва абхазов от «единого грузинского организма»; 17. Абхазы устроили грузинам геноцид в Абхазии в начале 90-х г. XX в.; 18. З. Гамсахурдиа упразднил Абхазию, назвав ее «Северо-Западной Грузией», а многие грузинские историки нашли «научное обоснование» такому решению грузино-абхазских взаимоотношений. В автономиях Грузинской ССР З. Гамсахурдиа видел «зримое пятно» преступлений сталинизма против народов СССР и считал, что они были созданы для разжигания межнациональной вражды. А грузинская «урапатриотическая» интеллигенция, среди которой достаточно много профессиональных историков, в том числе с учеными степенями, поддержала этот шовинистический тезис; 19. В 90-е годы XX в. в Абхазии к власти пришли сепаратисты, которых поддерживают различные «антигрузинские политические силы, в том числе и Российская Федерация». Абхазские сепаратисты в Абхазии устроили «геноцид грузинскому народу» и ведут многолетнюю «преступную войну против Грузии», которая всегда будет бороться за свое единство и территориальную целостность. Имеется в виду, что Абхазия должна всегда при всех режимах в Грузии быть в ее составе, как ее неотъемлемая часть; 20. Грузия имеет право (в том числе и на военные действия, т. е. на «справедливую войну») защищать свою территориальную целостность. В случае новой войны с Абхазией (первую войну 1992-1993 гг. Грузия проиграла), вся вина за возможное кровопролитие и ответственность за все страдания людей ложится на руководство «сепаратистской Абхазии».

Абхазская историография, в противовес грузинской, доказывает, что: 1. Абхазы являются древнейшими обитателями Восточного Причерноморья; 2. Племена Восточного Причерноморья, упоминаемые античными авторами (ахейцы, абазги, апсилы, саниги, гениохи, мисимиане), были древнеабхазскими, т. е. они являются предками современных абхазов; 3. В древнем Восточном Причерноморье, где жили предки нынешних абхазов, существовала письменность, близкая к финикийской, библской и хеттской. Таким образом, единое культурное развитие абхазов имеет многовековую историю и началась в дольменную эпоху; 4. Абхазы являются древнейшим аборигенным народом Кавказа и их причастность к высоким

переднеазиатским цивилизациям не вызывает сомнений; 5. Абхазы древнейшее население на всей территории современной Абхазии и части нынешней территории Российской Федерации, примыкающей к Сочи. Абхазский язык является одним из древнейших языков мира и входит в абхазо-адыгскую языковую семью. Доказывается родство абхазо-адыгских языков с вымершим хаттским языком древней Малой Азии. Хатты оказали большое культурное влияние на индоевропейцев - хеттов. В глубокой древности носители северокавказских языков населяли не только кавказский регион, но и большие территории в Малой Азии и Переднем Востоке. Они создали Хурритские и Урартское государства; 6. Абхазы и адыги, будучи близкородственными народами, являются потомками знаменитых абешла и кашков древней Малой Азии. Мощный племенной союз абешла и кашков был влиятельной политической силой, с которой считались хетты. Древние предки абхазов создали «могучее государство Каска» в верховьях р. Галис; 7. Княжества Абазгия, Мисиминия, Апсилия, Санигия стали прочным основанием, на котором выросло Абхазское княжество, а затем и Абхазское государство. Все это является доказательством высокой политической культуры древних абхазов, их творческой активности и многовековой государственной традиции. Название «абхаз» происходит по имени далеких предков абхазов - племенного названия «абазги»; 8. Античные гениохи были предками современных абхазов, а Колхидское царство является «мифическим государством древних колхов, не имеющего никаких научных обоснований»; 9. Абхазы являются прямыми кровными наследниками античной культуры. Абхазская историография отвергает гипотезу грузинской историографии о массовых переселениях горцев в Абхазию и больших этнических изменениях на территории Абхазии в первых веках н. э. Абхазская историография доказывает, что там, как и раньше, жили известные античным авторам племена, которые были прямыми предками абхазов; 10. В раннесредневековый период в Абхазии большую роль в политическом и культурном развитии абхазских племен играли Апсилия и Абазгия, значительно меньшую роль Лазика (Лазское царство). Этот вывод кардинально расходится с мнением грузинских исследователей, которые считают роль Лазики заметно выше, чем Апсилии и Абазгии; 11. Абхазская знать формировалась по примеру византийской политической традиции и не имела прямого отношения к раннесредневековым грузинским политическим образованиям; 12. Абхазское царство было объединенным абхазо-грузинским государством. Название «Абхазское царство» было принято только в грузинских источниках. Таким образом, грузины той далекой эпохи отдавали дань уважения мощи и влиянию абхазов и Абхазского царства (в отличие от современных грузинских историков и

руководства Грузии в XIX-XX вв.); 13. До X в. Абхазия была вассалом Византии. Поэтому в IX-X вв. Абхазия в политическом и культурном отношении была намного теснее связана с Византией, чем с Грузией (хотя название «Грузия» появилось только в XV в.). То, что грузинская историография именуется «объединенным Грузинским царством», т. е. Абхазо-Грузинское царство, в действительности было «царством абхазов и картвелов» или, по династии, царством Багратидов; 14. В XVII в. на территории Абхазии происходили междоусобные войны между мегрелами и абхазами, князья которых боролись за территорию и власть в регионе. В этих войнах большую помощь абхазам оказали пришедшие с Северного Кавказа абазинцы, кабардинцы и садзы. Тогда же знатные выходцы из Кабарды подчинили своей власти горные общины Абхазии. Однако массовое переселение горцев Северного Кавказа на территорию Абхазии, как утверждает грузинская историография, является «фальсификацией истории», «научным мифом», который направлен против истинной истории Абхазии; 15. В XX веке история абхазского народа и Абхазии существенно и преднамеренно исказилась в интересах Грузии, во имя так называемой «дружбы народов», которая на практике выражалась в непомерном возвеличивании Грузии и Грузии, в обкрадывании истории и культуры абхазов и Абхазии. Советская власть всячески стремилась сохранить границы Грузинской ССР такими, какими волюнтаристски она их определила в 20-е годы XX в. Все это стало трагедией для абхазского народа; 16. Абхазия и в древности, и в средние века, и в настоящее время была и остается поликультурной и поликонфессиональной страной, где всегда присутствовала толерантность к другим народам и их верованиям. Вся история и культура абхазов, одного из древнейших народов Кавказа, ярко демонстрирует многовековую собственную государственную традицию, непрерывность в развитии самобытной культуры и языка абхазов и его политической организации. Все это позволяет уверенно говорить о морально-политическом праве, о перспективах суверенитета Республики Абхазия; 17. Абхазы на территории Абхазии живут с античных времен. Предки абхазов не переселялись в позднее средневековье на территорию Абхазии, как утверждает грузинская историография. Абхазов не принимали «на своей исторической территории обитания гостеприимные предки грузин», как утверждают многие грузинские историки. Предки абхазов, как и их потомки, жили и живут на территории своей родины, имеют многовековые традиции государственного устройства. Абхазы хотят сохранить многоэтничный состав населения Республики Абхазия, но требуют уважения их права как особого народа со своим особым древним языком и культурой на государственный суверенитет и независимость от Грузии; 18. Древнейшая

цивилизация Закавказья связана с деятельностью единого народа, из которого вышли наири или урарты, создавшие там древнейшее государство. По культуре они относились к «ассирийско-вавилонскому миру». Урарты были ближайшими этническими родственниками абхазов, которые раньше армян и картвелов (предков грузин) создали мощное государство в начале н. э. Абхазские цари создали свое государство - Абхазское царство ради собственного могущества, а не ради процветания грузинского (или «объединенного абхазо-грузинского») государства. Абхазское государство, т. е. Абхазское царство, в результате войн захватило новые территории, в том числе и всю Грузию. Властители Грузии, включая Давида Строителя и Тамару, были абхазскими царями. Абхазы приняли христианство в первых веках н. э., а уже в III в. они имели своего епископа; 19. Древнегрузинский алфавит был создан абхазами и обслуживал нужды абхазского языка и государства. Средневековые надписи, прославлявшие «абхазских царей», были абхазскими. С абхазской династией были связаны и «колхидки» - древнейшие монеты Восточного Причерноморья. В то же время нет научных данных, доказывающих связь между древним и современным грузинским языком. А древние мосхи были предками не грузин, а абхазов. Абхазский язык оказал огромное влияние на грузинский, а влияние грузинского на абхазский, вопреки утверждениям грузинской историографии, было ничтожно малым; 20. Абхазский народ, имеющий многовековую традицию своей национальной государственности на протяжении последних двух веков испытывает давление со стороны Грузии, которая ведет целенаправленную антиабхазскую политику, направленную на ликвидацию языка и культуры абхазов, на фальсификацию его истории. Антиабхазская политика руководства Грузии, особенно усилилась после распада Российской империи в 1917г. Большевицкая Грузия, получившая независимость, стала откровенно притеснять национальные меньшинства (абхазов, южных осетин и др.), оказавшиеся по воле большевиков Грузии и большевиков РСФСР в составе независимой Грузии. Установление советской власти в Грузии в феврале 1921 г. первоначально позитивно изменило положение абхазов. Однако с начала 30-х годов XX в. в Абхазии началась активная грузинизация. Факты притеснения абхазов в Абхазии, грузинского шовинизма в Абхазии, открыто признавались на уровне Центрального Комитета Компартии Грузии (в июне 1978 г. это признал первый секретарь ЦК КПГ Э. А. Шеварднадзе) и даже ЦК КПСС (в постановлении Президиума ЦК КПСС от 10 июня 1956 года «Об ошибках и недостатках в работе Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии» приводятся конкретные факты грузинского шовинизма на территории Грузинской ССР, где осуществлялась «насильственная ассимиляция абхазского, армянского и

осетинского населения»), однако проблема полностью до сих пор не решена. Обстановка многолетнего грузинского давления на Абхазию и Южную Осетию вылилась в конце 80-х - начале 90-х годов XX в. в крупномасштабные войны в Абхазии и Южной Осетии, которые в бывших автономиях Грузии называются «национально-освободительными», а в Тбилиси - «войной с сепаратистами», «вооруженной борьбой за территориальную целостность Грузии».

Абхазские ученые-историки неоднократно заявляли свой протест против искажения истории абхазского народа и Абхазии в грузинской историографии. Многократные и обоснованные требования абхазов признать их равным с грузинским народом, не притеснять в Абхазии абхазов, не фальсифицировать историю Абхазии, вернуть Абхазии статус, утвержденный абхазским народом в марте 1921 г., не встречали должного понимания ни в Тбилиси, ни в Москве. А тем временем в Тбилиси к власти пришел З. Гамсахурдиа, при котором грузинский шовинизм достиг наивысшего предела. В таких условиях по вине тбилисских властей началась грузино-абхазская война 1992-1993 гг., где Абхазия одержала победу и с тех пор укрепляет свою государственную независимость.

Таким образом, анализ грузинской и абхазской историографии позволяет сделать вывод о том, что грузино-абхазской войне 1992-1993 гг. предшествовало длительное единоборство грузинских и абхазских историков, которые иногда создавали прямо противоположные «научные концепции» о древней, средневековой и современной истории Грузии и Абхазии. Разное видение этногенеза грузин и абхазов, истории государственности и того, и другого народов, их взаимоотношения на протяжении многих веков, их взаимообогащение и взаимовлияние друг на друга и многие другие актуальные вопросы истории народов Восточного Причерноморья неоднократно становились предметом острейших дискуссий крупнейших ученых-кавказоведов не только Грузии и Абхазии, но и всего Кавказа. Однако каждая сторона, отстаивая свою версию, свою концепцию, как правило, передергивала факты истории, интерпретируя их в пользу истории своего народа. При этом иногда другая сторона оказывалась как бы обкраденной, незаслуженно обойденной. В таком положении чаще всего оказывалась абхазская сторона. Это создавало и до сих пор создает серьезные проблемы не только в исторической науке, но и в общественно-политической сфере, в межнациональных отношениях. Мы лишь отметили 20 условных позиций, по которым имеются разногласия у грузинских и абхазских интеллектуалов. Временные возможности выступления на научной конференции слишком ограничены, и поэтому обходятся здесь другие разногласия (которых в десятки раз больше) грузинских и абхазских исследователей.

Весьма принципиально выглядят позиции грузинских и абхазских интеллектуалов, которые, на мой взгляд, можно сформулировать следующим образом. Абхазских исследователей крайне возмущает грузинский шовинизм, политика грузинизации в Абхазии, которую активно проводила в жизнь грузинская церковь, затем грузинские меньшевики в 1918-1921 гг., а после установления советской власти в 1921 г. - большевики Грузии. Вопреки воле абхазского народа в советский период Абхазия постепенно теряла свой статус: ее развитие шло в первые годы советской власти к договорной с Грузией республике, а затем к автономной республике (в 1931 г.) в составе Грузинской ССР. Постепенное понижение статуса Абхазии является следствием гегемонистской политики руководства Грузинской ССР, которое всеми возможными средствами и методами целенаправленно разрушала самосознание абхазского народа, абхазский патриотизм, заменяя их самосознанием грузинского народа и грузинским патриотизмом. В этом руководстве Грузинской ССР огромную помощь оказывали и оказывают грузинские интеллектуалы, и в первую очередь историки, которые сознательно фальсифицировали историю и культуру абхазов. Они преднамеренно и с далеко идущими целями внедряли в сознание и грузин, и абхазов идеи о «грузино-абхазской идентичности», об Абхазии как неотъемлемой и составной части Грузии и т. д. Вместе с тем грузинские интеллектуалы в основной своей части делали все необходимое, чтобы лишить абхазов своей древней и уникальной истории, культуры и языка. Власти Грузинской ССР, поддерживаемые многими грузинскими учеными-историками, в целом интеллектуалами, проводили политику физического уничтожения абхазской интеллигенции, переселяя большое количество грузин из других регионов Грузинской ССР в Абхазию, искусственно создавая численное большинство грузин на территории бывшей автономии. Вся эта антиабхазская политика проводилась под демагогическими лозунгами о «братстве народов Грузинской ССР», о «вечной дружбе грузин и абхазов», о «торжестве ленинской национальной политики» и т. д.

В свою очередь, грузинских исследователей приводит в негодование абхазский национализм, абхазский сепаратизм, антигрузинские настроения, пророссийская ориентация многих абхазских ученых и т. д. Грузинские исследователи, как и многие средства массовой информации современной Грузии, любят говорить не только о превосходстве грузин над абхазами (в историческом плане), но и подчеркивают «неблагодарность абхазов», которые при численности около 100 тыс. человек имеют свой государственный университет, телецентр, национальный театр, книжное издательство, высокое представительство в органах

власти республики и т. д.²⁰. Известные деятели культуры Грузии писатель Леван Хаиндрава и кинорежиссер Эльдар Шенгелая в «Открытом письме А. И. Солженицыну», опубликованном в «Литературной газете» (1990, № 43,24 октября) обращали внимание Нобелевского лауреата на эти и другие большие «привилегии» абхазов в Абхазии. Автор этих строк уже анализировал и содержание «Открытого письма А. И. Солженицыну», и подоплеку «привилегий» абхазов²¹, что позволяет уже не повторяться. Напомню, что абхазский сектор в АБГУ, где грузины составляли основной костяк профессорско-преподавательского состава (до 70%), всегда был меньше и слабее грузинского и русского. Добавим, что абхазы эти большие «привилегии» считают результатом своей неустанной борьбы против диктата Тбилиси²² и поэтому освободили себя от необходимости благодарить за это грузин.

Грузинские авторы создали историографию, где грузинская нация изображается не только цивилизованной, талантливой, благородной, влиятельной, которая в своем развитии далеко обогнала все остальные соседние народы. При этом историки во имя создания «великой древней истории грузин» не останавливались перед домыслами, фальсификацией фактов, присваивая прошлое древних народов, не имевших к грузинам отношения²³. Субъективный подход позволял грузинским авторам приписывать себе, т. е. грузинам, земли, историю и культуру других народов. Так, например, авторы популярного учебника для старших классов средней школы «История Грузии» (Тбилиси, 1946; 1950), Бердзенишвили, Джавахишвили, Джанашиа включили в «национально-культурное грузинское единство» (это не то, что мы понимали в годы советской власти под «дружбой народов» или «единством советских наций» в Грузинской ССР) не только самих грузин (т. е. разные картвельские племена), «но и абхазов, и осетин»²⁴.

Авторы указанного учебника, продолжая традиции грузинского историографического шовинизма, писали, что колхи были «западногрузинским племенем» и ассоциировались с Колхидским царством, которое будто бы существовало в период греческой колонизации. В доказательство авторы ссылались на найденные археологами серебряные монеты («колхидки»), будто бы чеканившиеся на территории древней Грузии (в Колхидском царстве). Эллинистическое Понтийское царство²⁵ на южном берегу Черного моря преподносилось ученикам средних школ как грузинское государство, в населении которого, по мнению авторов, доминировали грузины. На основе каких проверенных данных в Понтийском царстве «доминировали грузины», авторы не разъясняли.

Авторы учебника, рассматривая население Колхиды первых веков н. э., включили туда картвельские племена, т. е. предков современных грузин. Любопытно

отметить, что к ним были отнесены апсилы и абазги, т. е. предки абхазов, но не как таковые, а как картвельские племена. Абхазы как отдельный народ (отдельное племя или этническая группа со своим языком и этногенезом) не упоминаются в учебнике «История Грузии», что, на мой взгляд, является следствием грузинского историографического шовинизма. Авторы учебника без необходимой аргументации доказывали, что Картлийское царство активно распространяло среди соседних народов (племен) грузинский язык и грузинскую письменность, которые легко усваивались. Они писали о культурном сближении Картли и Эгриси (где преобладали мегрелы, которые по языку заметно отличались от картвелов), но при этом забывали пояснить ученикам средних школ истинные причины «активного распространения среди соседних народов грузинского языка и грузинской письменности», а также и культурного сближения картвелов и мегрелов.

Субъективизм авторов учебника проявился, на мой взгляд, и в том, что Абхазское царство в нем фигурирует как «западногрузинское государство» и его основным населением будто бы были племена мегрелов, сванов и картов, т. е. грузины. Роль самих абхазов, которые дали название царству, т. е. государству, в очередной раз не была принята во внимание. Правда, авторы учебника пояснили, что Абхазское царство свое название получило по имени династии. Однако маститые грузинские ученые-историки не пояснили почему династия вошла в историю как «абхазская»? А этот вопрос вовсе не риторический и на него следует аргументировано и убедительно ответить, чего не хотят грузинские историки.

Субъективный подход в изложении вопросов истории взаимоотношений Грузии и Абхазии в древний и средневековый периоды, на мой взгляд, проявился и в том, что в учебнике «История Грузии» авторы совсем обошли вопрос о том, почему титулатура грузинских царей начиналась словами «царь абхазов...», и почему сын царицы Тамары имел абхазское прозвище - Лаша? Не отвечая на эти важнейшие вопросы во взаимоотношениях Грузии и Абхазии, авторы учебника без должных аргументов, но как аксиому указали, что уже в IX в. в Абхазии языком делопроизводства, богослужения и изящной литературы стал грузинский²⁶. Следует обратить внимание на то, что богатой, интересной во всех отношениях истории абхазского народа по существу не нашлось достойного места в «Истории Грузии», что крайне негативно было встречено не только научной общественностью Абхазии, но и всеми учеными-кавказоведами (особенно теми, кто не признает в научных исследованиях субъективный подход в изложении фактов истории). Недоумение вызвало и то, что история южных осетин на страницах учебника вообще не освещалась. То ли потому, что они не удостоились такой «высокой чести» быть

представленными в «Истории Грузии», то ли они, по замыслу авторов, не относились к народам Грузинской ССР, то ли еще по какой-нибудь другой причине.

Внимательное знакомство с учебником убеждает, что его цель солидные авторы видели в непомерном прославлении грузинской нации, а интересы и судьбы других народов, оказавшихся по разным причинам (в том числе и субъективным) в пределах Грузинской ССР, их особо не волновали. Отмечу также, что во имя прославления грузинской нации, как особо великой и талантливой, авторы учебника иногда прибегали к различного рода преувеличениям роли грузин на всех этапах истории, фальсификации фактов истории, игнорированию очевидных страниц истории соседних народов и т. д. В учебнике иногда желаемое выдавалось за истину, причем, как правило, в подтверждение величия грузинской нации. Так, например, в учебнике без должных оснований утверждалось, что человечество обязано предкам грузин изобретением железа. Действительно, это знаменательный факт в истории не только металлургии, но и человечества в целом. Однако авторы учебника не привели убедительных аргументов в доказательство того, что мушки (месхи) и тубалы, с которыми связывают изобретение железа, действительно были предками грузин. Субъективность авторов заводит их в тупик, когда они, не имея веских аргументов, утверждали, что Урарту было древним грузинским государством²⁷.

Каким образом авторы учебника «зачислили» халдов (урартов) к предкам грузинского народа, никто не стал разъяснять. Попытки изобрести в учебнике государство для первобытных сасперов у специалистов по древней истории вызвали лишь сожаление и недоумение. Тем не менее, авторы учебника искусственно создали, на мой взгляд, достаточно преувеличенную версию ранней истории Грузии, которая очень понравилась не только грузинской научной элите, но и партийно-советскому руководству союзной республики. То, что учебник обоснованно критиковали ученые-историки автономий Грузии, в Тбилиси не брали в расчет, так как были озабочены созданием и укреплением в сознании грузин версии о «великой Грузии».

Следствием такого субъективного подхода авторов учебника стало то, что история и земля других народов стали «грузинскими». Такая «научная концепция» формирования грузинской нации и грузинской государственности внедрялась в сознание грузинских школьников. Можно предположить, что современные грузинские «ура-патриоты» историю Грузии учили в школе по этому учебнику, и тогда становится более понятным нетерпимость и звиадистов, и нынешних руководителей Грузии ко всем негрузинам, оказавшимся в пределах Грузии.

Субъективный подход грузинских историков особенно проявляется когда они непомерно раздувают идею о великом Колхидском царстве, что позволяет им показать историю непрерывной грузинской государственности в Восточном Причерноморье в течение 2500 (Т. К. Микеладзе). Следует обратить внимание, что в такой наукообразной концепции имеются весьма серьезные изъяны, на которые обращал внимание даже один из архитекторов концепции сильного Колхидского царства академик Г. А. Меликишвили²⁸. С научной точки зрения концепция «непрерывной грузинской государственности в течение 2500 лет» (и тем более «в течение 3000 лет»), конечно же, не выдерживает серьезной критики. Тем не менее такая концепция в той или иной степени находит свое место даже в академических изданиях по истории Грузии²⁹, создавая очередные мифы о величии грузинской нации, о ее несомненных заслугах, которые всегда должны помнить другие «менее развитые и менее заслуженные» соседние народы, над которыми современные грузины хотят доминировать. Субъективизм, попытки выдавать желаемое за историческую истину позволяют некоторым грузинским историкам говорить о «величии Колхидского царства» в контексте доказательства непрерывной грузинской государственной традиции в течение 2500 лет (другая версия историков гласит, что этой традиции уже 3000 лет), как о доказанном историческом факте, несомненной истине, которую разделяет научное сообщество³⁰. А то, что идея о сильном Колхидском царстве более чем слабо подтверждается серьезными фактами, солидной источниковой базой не смущает создателей версии грузинской государственной традиции на протяжении 2500 или 3000 лет. Так, например, грузинский археолог Т. К. Микеладзе в монографии «Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья» (Тбилиси, 1974) попытался это доказать, не подкрепляя никакими научными данными. Создавая субъективные, но весьма патриотические версии древней грузинской государственности, профессор истории создал околонучную схему развития Колхидского царства. Т. К. Микеладзе и его многочисленных сторонников не смущает то, что предложенная «оригинальная схема» фактически повторяет утвердившуюся в науке периодизацию истории Древнего Египта: Древнее царство XII-VI вв. до н. э., Среднее царство VI-I вв. до н. э., Позднее царство I-IV вв. н. э. Такие «оригинальные схемы», созданные не на основе научного анализа, объективного подхода к решению запутанных проблем древней истории, а на основе «ура-патриотизма» и субъективизма вводят в заблуждение многих, в том числе и тех, кого они, по замыслу авторов, должны прославлять и возвеличивать. Хочется напомнить, что профессиональный историк, объективно относящийся к истории,

обязан всегда и во всем различать две категории фактов: 1. факт истории («исторический факт»), подтвержденный первоисточником (например, архивный документ, археологическая находка и т. д.); 2. историографический факт, рожденный иногда в воображении «ура-патриота» - исследователя, для которого субъективность становится доминирующим в научно-исследовательской работе, проще говоря, фальсификатора истории, опубликованные ложные, «оригинальные схемы» и сомнительные версии которого по разным причинам начинают «кочевать» из статьи в статью, из диссертации в диссертацию, из монографии в монографию и т. д. Разрастаясь, как огромный снежный ком, он постепенно воспринимается многими, особенно частью молодых и неопытных исследователей, дилетантами, всевозможными любителями сенсаций, «ура-патриотами» (среди них иногда оказываются и ученые с громкими именами) как истина в последней инстанции. Таким образом, нередко непроверенные данные и сомнительные факты, домыслы и ложные выводы заслоняют собой и отводят на задний план действительно исторические факты, до которых не всегда доходят руки исследователя. Часть грузинских историков, в погоне за сенсациями использует факты второй категории. В вопросах древней истории Грузии и Абхазии, грузино-абхазских отношений в древний, средневековый и современный периоды грузинским историкам, на мой взгляд, часто мешает грузинский шовинизм, направленный против абхазов, южных осетин и других соседних народов.

Другими словами, грузинские историки, мягко говоря, не всегда бывают тактичными, объективными и внимательными к истории и культуре соседних негрузинских народов, особенно абхазов и южных осетин. В этом отношении уместно напомнить слова крупного ученого-ираниста, профессора В. И. Абаева: «Если национальная принадлежность ученого диктует ему его научные позиции и решения, то это уже не наука. Такой «наукой» можно пренебречь как субъективной писаниной, не имеющей никакого научного значения»³¹. С этим выводом трудно не согласиться. Есть что-то комическое в многолетних и неустанных попытках грузинских авторов найти доказательства наличия древней грузинской государственности. В поисках этой идеи, авторы, не находя серьезных аргументов, начинают, как правило, создавать наукообразные схемы развития Колхидского царства, утверждать без всяких оснований, что уже в Колхидском царстве начался процесс сложения общенациональной материальной и духовной культуры Грузии, а Урарту было для одних грузинских историков «грузинским государством», а для других, более умеренных - «полугрузинским». Если задача номер один для грузинской историографии состоит в том, чтобы ценой подтасовок, прогрузинской

интерпретации фактов и событий, софистики и откровенной фальсификации (одним словом субъективизма!) «доказать», что грузинское государство существовало в Восточном Причерноморье намного раньше, чем абхазское, то можно поздравить коллег из Тбилиси: они действительно на этом участке идеологической (не научной) борьбы заметно продвинулись вперед. Однако нужно помнить, что эти «успехи» грузинских историков вносили и вносят серьезную путаницу в историографию Кавказа. Кроме того, они накаляли и продолжают накалять межнациональные отношения, особенно грузино-абхазские. Абхазские историки, которых поддерживали и поддерживают другие специалисты, много раз указывали своим грузинским коллегам на те серьезные измышления в вопросах древней и средневековой истории Грузии и Абхазии, которые накаляют межнациональные страсти, взаимоотношения двух соседних народов. Однако создатели мифов из Тбилиси продолжают укреплять свои «успехи».

Надуманых версий, субъективизма, попыток преувеличить роль древних предков абхазов в истории Восточного Причерноморья достаточно много и в историографии Абхазии. Часть абхазских исследователей бросает своеобразный вызов грузинской историографии. Первый такой вызов бросил известный абхазский поэт, литературовед, историк, зачинатель абхазской литературы Д. И. Гулиа³², который в 1925 г. в книге «История Абхазии»³³ сформулировал ряд принципиальных положений, вызвавших острые дискуссии между абхазскими и грузинскими историками. Следует подчеркнуть, что с некоторыми предположениями и выводами Гулиа не соглашалась даже часть абхазских исследователей. Так, например, некоторые абхазские исследователи весьма негативно восприняли тезис Гулиа о приходе предков абхазо-адыгов из Абиссинии и Египта. Однако нас в данном случае больше интересует суть дискуссий абхазских и грузинских историков. В этом ракурсе «Историю Абхазии» Гулиа можно назвать манифестом противостояния грузинской историографической экспансии. Так, например, Гулиа проводил серьезную ревизию грузинской историографии, доказывая, что: 1. древние гениохи, которые по сведениям античных авторов жили на восточном побережье Черного моря, были предками абхазов (грузинские историки считают, что гениохи - предки грузин); 2. абхазы являются близкими родственниками средневековых зихов, которые в свою очередь являются предками нынешних адыгов Северо-Западного Кавказа - адыгейцев, черкесов, шапсугов, кабардинцев и т. д.; 3. хетты были основателями Сухума, который является одним из древнейших городов Кавказа³⁴. Такие предположения и выводы, разумеется, не вписывались в грузинскую историографию, которая по-своему изображала античную историю Восточного

Причерноморья. Так, например, в грузинской историографии прочно утвердилась версия о том, что древние мосхи были предками современных грузин (на них, кстати сказать, претендуют как на своих предков и многие армянские историки). Теперь, по версии Гулиа, древние мосхи «стали» предками абхазов³⁵. Абхазский исследователь отождествлял античных гениохов с колхами (а гениохов он считал предками абхазов) и, таким образом, он создавал «головные боли» грузинским историкам, которые особенно негативно восприняли идею Гулиа о том, что древние мосхи были колхским племенем. Он смело говорил о грузинизации территории Абхазии в средние века, о роли абхазов в насаждении культуры у соседних народов. Гулиа пытался доказать, что абхазы распространяли плоды цивилизации среди всех своих соседей, включая грузин. Этот процесс продолжался до X в., пока к нему не подключились и грузины³⁶. Процветание Абхазского царства на протяжении двух веков (с конца VIII до конца X в.) абхазский исследователь связывал с мощью и влиянием абхазской династии и доказывал, что абхазские цари подчинили своему влиянию отдельных грузинских правителей и оказывали влияние даже на Армению³⁷. Такие версии о древней и средневековой Абхазии крайне негативно воспринимались грузинской школой историков. Грузинские историки не желали переучиваться на абхазский лад. Следует подчеркнуть, что в 20-е - 40-е годы XX в. абхазских исследователей истории Абхазии было значительно меньше (по сравнению с грузинскими историками, разрабатывавшими историю Абхазии как «неразрывной части истории Грузии»). Тем не менее, уже в 20-е годы XX в. в Абхазии появились исследователи, которые, с одной стороны, стремились заполнить белые пятна истории Абхазии, грузино-абхазских взаимоотношений с древнейших времен до XX в., а с другой стороны, готовы были любой ценой противостоять диктату грузинской историографии. Такая позиция абхазских исследователей встречала большие нарекания в Грузинской ССР, где официальные партийно-советские органы власти по всем важнейшим вопросам истории грузинского, абхазского, осетинского, армянского и других народов придерживались точки зрения грузинской историографии. Уже тогда четко определилась роль грузинских и абхазских интеллектуалов в грузино-абхазском противостоянии, которое с годами становилось все более принципиальным, бескомпромиссным и опасным.

Большой интерес в этом отношении, на мой взгляд, представляет концепция этногенеза абхазов и абхазской государственной традиции, которую сформулировал в 20-е годы С. М. Ашхацава в брошюре «Пути развития абхазской истории»³⁸. Касаясь сложных вопросов этногенеза абхазов, грузино-абхазских взаимоотношений

и зарождения государства у древних абхазов, Ашхацава доказывал, что: 1. урарты, создавшие в IX-VI вв. до н. э. на территории Армянского нагорья (в том числе на территории современной Армении) древнее государство Урарту, были ближайшими родственниками предкам абхазов (такую точку зрения высказывал и Н. Я. Марр); 2. после упадка Урарту (в VI в. до н. э. оно завоевано мидянами, а до этого вело изнурительные продолжительные войны с Ассирией) на арену истории вышли армяне и предки грузин картвелы, но они по степени влияния и по своей мощи уступали предкам абхазов, которые создали свое могучее государство раньше армян и картвелов. Ашхацава считал, что абхазское государство стало создаваться с самого начала н. э.; 3. абхазские цари объединили картвельские племена не для процветания «грузинского государства», а ради могущества своего государства, т. е. ради процветания Абхазского царства. По версии Ашхацавы Абхазское царство настолько окрепло, что включало в свой состав всю Грузию, которая заметно уступала ему. До конца XV в. Абхазское царство превосходило Грузию, властители которой, включая легендарную царицу Тамару (Тамар)³⁹ (около 60-х гг. XII в. - 1207 г.), были абхазскими царями; 4. идея воссоединения земель в границах грузинского государства является относительно новым явлением, возникшим в позднем средневековье. В XVI-XVII вв. грузинские интеллектуалы, поддержанные грузинской церковью и правителями разрозненных грузинских царств предприняли отчаянные попытки присвоить если не всю, то хотя бы часть абхазской истории и культуры. Незавершенность абхазской истории, по мнению Ашхацавы, является результатом шовинизма грузинских историков⁴⁰, которые преднамеренно искажали историю Абхазии и, наоборот, непомерно возвеличивали роль Грузии; 5. христианство распространялось среди абхазов с первых веков н. э., и, таким образом, Абхазия является одним из древнейших очагов распространения христианства на Кавказе.

Обращаю внимание на то, что некоторые версии и выводы Ашхацавы способствовали обострению грузино-абхазских взаимоотношений, создавали серьезные проблемы в историографии не только Грузии, но и Абхазии, так как носили поверхностный характер и были следствием «патриотических побуждений» абхазского исследователя. Так, например, он, в порыве своих антигрузинских эмоций, упорно не видел связь между древним и современным грузинским языком (факт, установленный наукой), и по дилетантски доказывал, что «древнегрузинский алфавит» создали абхазы и он, конечно же, обслуживал нужды абхазов и абхазского государства. Ашхацава доказывал (как и Гулиа), что абхазский язык оказал огромное влияние на грузинский (грузинские ученые доказывали и по сей день доказывают огромное влияние грузинского языка на абхазский) язык, что свидетельствует о

величии абхазов и их языка. Абхазский исследователь доказывал, что и «колхидки» (древнейшие монеты в Восточном Причерноморье) чеканились абхазами. Все эти версии, предположения и выводы, Ашхацава не всегда обосновывал убедительными фактами и проверенными аргументами. Он порой в своих выводах по древней и средневековой истории Грузии и Абхазии, грузино-абхазских взаимоотношений заходил слишком далеко, заметно отрываясь от принципов и правил научно-исследовательской работы. Идейным стержнем некоторых его выводов были попытки (малоубедительные) идеализации, возвеличивания ранней истории абхазов и абхазского государства. Ашхацава попытался обосновать грандиозную по масштабам и эффекту концепцию античной государственности абхазов, величия государства абхазов, с которым должна была считаться даже Византия. Удивления достойна не попытка обоснования величия предков абхазов, абхазской государственной традиции, которая продолжается на протяжении многих веков. Все это имело место в истории и не вызывает обоснованных нареканий. Вопросы возникают тогда, когда Ашхацава и его современные последователи в своем патриотическом порыве заходят слишком далеко, не считаясь с правилами и принципами научно-исследовательской работы. Ненаучность упражнений Ашхацавы видна невооруженным глазом, когда он без солидных аргументов доказывал, что «древнегрузинский алфавит» был создан, как и «колхидки», абхазами, предками которых безапелляционно объявил древних мосхов.

Упрощенность таких рассуждений, как правило, заводит в историографический тупик не только создателей всевозможных «оригинальных концепций», но и их многочисленных последователей. Ашхацава здесь, конечно же, не исключение. Его субъективные взгляды на древнюю и средневековую историю Абхазии и Грузии стали предметом острых дискуссий между абхазскими и грузинскими специалистами, накаляя не только научные страсти, но и межнациональные отношения. Можно предположить, что концепция Ашхацавы о древней и средневековой истории абхазского народа подводила определенную научную базу под политику большей самостоятельности Абхазии, которая действительно испытывала притеснение со стороны «старшего брата» - Грузии.

Грузинскими историками подвергалась ожесточенной критике концепция Ашхацавы. Их возмущало увлеченность абхазского исследователя идеей удревнения абхазской письменности, возвеличивания роли предков абхазов в Восточном Причерноморье и т. д. По существу Ашхацаву обвиняли в тех же грехах, которые были свойственны и грузинским исследователям: непомерное возвеличивание своих предков, их особой роли в древней и средневековой

периоды. Видимо, каждая сторона - и абхазская, и грузинская, по-своему понимала «историческую истину», «объективность исторических исследований», которые соответствовали патриотическим настроениям не только среди интеллектуалов, но и властей.

Историю Абхазии и грузино-абхазские взаимоотношения с субъективных позиций осветил и С. П. Басария в небольшой работе «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении»⁴¹, где, на мой взгляд, поверхностных рассуждений, ошибочных выводов и «абхазского патриотизма» более чем достаточно. Любопытно, что по замыслу автора, в монографии больше внимания уделялось анализу проблем экономической географии и этнографии Абхазии. Значительно меньше внимания автор исследования уделил вопросам истории. Но именно здесь, на мой взгляд, выдвинуто наибольшее количество сомнительных версий, спорных положений с признаками историографической паранауки. В исследовании Басария встречаются основные признаки исторического дилетантизма, все характерные для субъективизма тенденции, начиная от идеи «чей народ древнее» и кончая достаточно сомнительным утверждением о том, что покорить Абхазию не удавалось ни одному народу и ни одному государству⁴². Такие поверхностные рассуждения, которые явно противоречат общеизвестным фактам истории, вызывают недоумение и возмущение.

Между тем известно, что Абхазия, несмотря на уникальную историю и древнюю государственную традицию, в разные периоды истории испытала как расцвет, так и упадок. Так, например, во второй половине XIII в. она была завоевана монголо-татарами, а с XVI в. и до присоединения к Российской империи в 1810 г. была в зависимости от Турции⁴³. Немаловажно и то, что наиболее авторитетные и уважаемые абхазские историки, в отличие от Басария, не отрицают факт порабощения и вассальной зависимости Абхазии другими, более сильными государствами и княжествами. Так, например, в учебном пособии «История Абхазии» (авторы З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария, А. Э. Куправа)⁴⁴ видный абхазский историк, профессор З. В. Анчабадзе писал: «В 1555 г. полувековая борьба между Турцией и Ираном закончилась мирным договором, по которому они поделили территорию Грузии (ее по сути дела предстояло еще завоевать) на сферы влияния. Грузинский историк XVII в. Парсадан Горгиджанидзе об этом разделе страны пишет: «Султан и шах разделили Грузию на две части: Самцхе, Картли и Кахети достались шаху, а Имерети, Одиши с Абхазией, Гурия и страна лазов - султану»⁴⁵. Далее Анчабадзе пишет: «В течение всего XVI столетия Абхазия продолжала оставаться в вассальной зависимости от Мегрельского княжества.

Однако абхазские феодалы все время стремились освободиться от этой зависимости»⁴⁶. Абхазский ученый подчеркивает, что в начале XVII в. оформилось самостоятельное Абхазское княжество, «вступившее в непосредственную вассальную зависимость от имеретинского царя»⁴⁷.

Другой видный абхазский историк, профессор Г. А. Дзидзария писал: «Следует также отметить, что века господства Турции в Абхазии привели, как у некоторых черкесских племен, к ослаблению идеи государственного объединения»⁴⁸. Можно было бы и дальше приводить аргументы в доказательство того, что Абхазия, вопреки «суперпатриотическим» утверждениям Басария, на определенных этапах многовековой истории теряла свою самостоятельность.

Концепция древней и средневековой истории Абхазии в интерпретации Басария в целом сводилась к следующему: 1. античные гениохи были предками абхазов (напомню, что эту версию пытался обосновать и Гулиа, что вызывало раздражение у грузинских интеллектуалов, которые дружно доказывали и доказывают этническое родство картвелов и античных гениохов); 2. абхазы являются древнейшими автохтонами на территории Абхазии, а грузины (точнее говоря - мегрелы) здесь являются пришельцами (следует особо подчеркнуть, что вокруг этого тезиса шли и продолжают идти самые жаркие дискуссии абхазских и грузинских специалистов); 3. в глубокой древности предки абхазов занимали обширные территории (больше, чем нынешняя Абхазия), а потом они постепенно начали терять часть этнической территории, чему в определенной степени способствовала политика грузинских властей; 4. предки абхазов уже в глубокой древности относились к наиболее передовым по тем временам народам, одними из первых на Кавказе приняли христианство, создали одно из древнейших в Восточном Причерноморье государство, были носителями высокой культуры, которую распространяли и на соседние народы, включая грузин. Политическое устройство древнего абхазского государства стало своеобразной хрестоматией для других народов Кавказа, в том числе и грузин.

Такая «патриотическая» концепция древней и средневековой истории абхазского народа была призвана убедить общественность не только Абхазии, но и Грузии в огромных заслугах древнего абхазского народа, в оригинальности его истории и культуры. Концепция Басария способствовала укреплению абхазских позиций, которые уже в 20-е годы XX в. пытались во всем противостоять грузинскому шовинизму, в том числе и грузинской историографической экспансии.

Анализируя противостояние абхазов и грузин в первые годы советской власти нужно, на мой взгляд, помнить предысторию включения Грузии в состав СССР. За

несколько лет существования независимой меньшевистской Грузии (1918-1921 гг.), абхазы и южные осетины, оказавшиеся по волюнтаристскому решению Москвы и Тбилиси в составе самоопределившейся Грузии, испытали огромные притеснения и гонения. С установлением советской власти позиции грузинского шовинизма заметно пошатнулись и, наоборот, укрепились позиции абхазского патриотизма и национализма, так как абхазы получили статус республики. 21 мая 1921 г. Ревком Грузии принял декларацию о независимости ССР Абхазии⁴⁹. Она имела огромное политическое значение в борьбе за равноправие народов, против грузинского шовинизма, процветавшего в годы правления меньшевистского правительства.

16 декабря 1921 г., т. е. в первый год установления советской власти, между Грузией и Абхазией был заключен союзный договор. ССР Абхазия на договорных, федеративных началах объединилась с Грузинской ССР⁵⁰.

Революционный комитет Абхазии и его местные органы в первые же месяцы советской власти провели большие коренные преобразования, направленные на утверждение и укрепление государственности Абхазии. Мероприятия советской власти вызвали большой подъем политической и гражданской активности абхазского народа. Статус республики в составе СССР, обретение ССР Абхазии юридического равенства с Грузинской ССР и грузинами в Абхазии способствовало росту национального самосознания абхазов⁵¹. Национальное самосознание любого народа, в том числе и абхазов, включает в себя рациональные (осознание принадлежности к конкретной нации) и эмоциональные (сопереживание своего единства с другими представителями «своей нации») компоненты. Национальное самосознание абхазов, являясь основой национального, т. е. абхазского сознания (как и любой другой нации), выступило в качестве ядра системы рационально-ценностных представлений и эмоционально-оценочных отношений, обязательных для национального самоопределения, перспектив социально-политической жизни абхазов. В отличие от национального сознания, отражающего, как правило, «обобщенные представления национально-этнической группы»⁵², национальное самосознание «является индивидуализированным понятием»⁵³, выражающим степень усвоения различных компонентов общенационального сознания представителями единой нации. Обращаю внимание, что в данном случае под единой нацией имеется в виду ее этническая трактовка⁵⁴. Необходимо помнить, что генезис национального самосознания не только абхазов, но и других народов, представляет собой длительный исторический процесс, многоаспектный и не всегда равномерный по своему развитию. Появление зачатков национального самосознания любого народа (нации) происходило на обыденном уровне и было

связано с формированием и укоренением в психике того или иного народа антитезы «мы» и «они».

Другими словами, представители конкретного народа (например, русские, грузины, абхазы и др.) осознавали себя как некую целостность («мы»), объединенную, в отличие от других народов (наций), единой культурой, языком, религией, традициями, этногенезом, ценностными ориентациями и т. д. Такая целостность («мы»), как правило, противопоставлялась и до сих пор противопоставляется другим народам (нациям) - «они». Основу антитезы «мы» и «они» составляют, как правило, несколько ярко выраженных признаков, которые отличают «их» от «нас» (например, язык, религия, традиции, физический облик, менталитет и т. д.). Антитеза «мы» и «они» заметно усиливается в условиях господства одних народов (чаще всего больших и потому сильных) над малочисленными, менее защищенными и более слабыми народами. В многонациональных государствах, где более сильные народы-шовинисты диктуют свои условия слабым, малочисленным народам, как правило, в среде последних формируется необходимость осознания себя особой этнической общностью, готовой к «вынужденной самообороне».

Сказанное четко проявляется на примере взаимоотношений народов бывшей Грузинской ССР. С конца 80-х годов XX в. многие средства массовой информации, которым активно помогала значительная часть грузинских историков, политологов, юристов, касаясь взаимоотношений грузин с другими народами Грузинской ССР, особенно с абхазами и южными осетинами, охотно фиксировали антитезу «мы» (грузины) и «они» (абхазы, южные осетины). При этом фиксация признаков абхазской или осетинской нации сопровождалась чаще всего их наделением резко отрицательной оценкой. «Они», т. е. абхазы и южные осетины в своем культурном и политическом развитии стоят на несколько ступеней ниже «нас», т. е. грузин, разумеется, значительно более образованных, культурных и цивилизованных, так как «наши предки 3000 лет назад создали государство» и с тех пор они «совершенствуют собственную национальную государственную традицию, создавая образцы мировой культуры и внося неоценимый вклад в цивилизацию». «Им», т. е. абхазам и южным осетинам, приписываются всевозможные негативные качества - «неблагодарность грузинам за их цивилизаторские усилия», за то что «приютили бездомных горцев Северного Кавказа на гостеприимной грузинской земле», «пророссийская ориентация», «нежелание помочь» в трудный час Грузии и т. д. Кроме того «им» приписываются бескультурье, невежество, отсталость и даже

дикость, что выражается в том, что «они», по указанию Москвы, «развернули на территории Грузии агрессивное сепаратистское движение».

Так, например, 13 октября 1993 г. Эдуард Шеварднадзе заявил: «Да, мы потеряли Абхазию, но мне хочется верить, что это временное явление. Если мы оказались в трагедии, то это реакционная Россия способствовала формированию фашистского сепаратизма в Абхазии. Это не сегодняшнего дня вопрос»⁵⁵. Как видим, в Тбилиси на самом высоком государственном уровне считали и считают Российскую Федерацию «реакционной», способной подпитывать фашистский режим, сепаратизм и экстремизм⁵⁶. Отметим, что упрек «белого лиса» в адрес Москвы куда более соответствует самой Грузии, где проводилась и проводится политика великодержавного грузинского шовинизма, где систематически и методично притеснялись абхазы, южные осетины, где существовал «антиармянский национализм» и т. д.⁵⁷.

В этой связи большой интерес представляет признание самого Э. Шеварднадзе, сделанное им, будучи первым секретарем ЦК Компартии Грузии, 27 июня 1978 года. «Пора прямо сказать, - подчеркнул лидер коммунистов Грузинской ССР, - как в прошлом, известном нам периоде, в отношении абхазского народа проводилась политика, которую практически следует назвать как шовинистическую, давайте будем называть вещи своими именами»⁵⁸. Здесь комментарии уже не нужны, так как суровая действительность заставила даже Э. Шеварднадзе сказать о махровом грузинском шовинизме, от которого, разумеется, страдают и абхазы, и осетины, и другие народы, на которые так безапелляционно претендует современная Грузия.

Говоря о бедственном положении осетин, И. В. Сталин еще в 1913 г. писал: «Как быть с осетинами, из коих закавказские осетины ассимилируются (но далеко еще не ассимилировались) грузинами, а предкавказские частью ассимилируются русскими, частью развиваются дальше, создавая свою литературу? Как их «организовать» в единый национальный союз?»⁵⁹. Отметим, что национальное самосознание формируется в процессе образования нации, путем осознания представителями народа (нации) «своего происхождения и органической связи со своими культурными и национальными корнями, признания самобытного характера родной культуры, языка, национальных особенностей, менталитета и чувства общенациональной солидарности»⁶⁰. В структуре сознания «из всех компонентов чувство национальной принадлежности является наиболее ранимым»⁶¹.

Таким образом, постоянные упражнения ученых Грузии, а также ее средств массовой информации в интерпретации антитезы «мы» и «они», способствовали

лишь обострению межнациональных отношений, формированию грузинского шовинизма, что, в свою очередь, усиливало национально-освободительную борьбу абхазов и южных осетин. Обращаю особое внимание и на то, что грузинская сторона в «их» (абхазов и южных осетин) оценках и характеристиках допускала самый оскорбительный тон, нелепые домыслы, фальсификацию фактов и т. д. «Им», как правило, приписывались все негативные качества, а «нам», т. е. грузинам, все лучшие качества (благородство, гостеприимство, великие духовно-нравственные и политические традиции, высокий уровень интеллектуального развития и т.д.).

С этой точки зрения в психологическом смысле фашистская Германия, развязав в 1939 г. вторую мировую войну, «не совершила преступлений»: т. е. кого она поработила и уничтожала (славянские народы, евреи, цыгане и др.), по версии фашистских идеологов, были «людьми низшей расы», «недочеловеки», с которыми «можно было поступать» так, как считали представители «высшей расы», т. е. немцы гитлеровской Германии. Отголоски таких этнопсихологических праоснов формирования национального самосознания значительной части грузин в бывшей Грузинской ССР отчетливо проявились с конца 80-х годов XX в., когда на политический небосклон «взошла звезда» грузинского нациста Звиада Гамсахурдиа, единомышленники и последователи которого активно продолжают дело свергнутого экс-президента Грузии.

¹ Джанашиа С. Н. О времени и условиях возникновения Абхазского царства // Труды: в 3-х томах. Тбилиси, 1952. Т. 2, с. 322-341; Е го же. Абхазия в составе Колхидского царства и Лаики: Образование «Абхазского царства» // Известия АН Грузинской ССР (История, этнография и история искусства), 1991. № 2, с. 18-49; Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы: (Историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965; Е го же. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976; Е го же. Ступени к исторической действительности. Сухум, 1992 и др.

² Микеладзе Т. К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974, с. 183; Е го же. К археологии Колхиды (эпоха средней и поздней бронзы раннего железа). Тбилиси, 1990. с. 79-80; Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 91-93; Каухчишвили С. Г. Сведения византийских писателей о Грузии (в 2-х т.). Т. 2. Тбилиси, 1965, с. 28; Инадзе М. П. К истории Грузии античного периода (Флавий Арриан и его сведения о Грузии) / Автореферат дис. на соискан. учен. степ. кан. ист. наук. Тбилиси, 1953, с. 18-19 и др.

³ Меликишвили Г. А., Лордкипанидзе О. Д. Очерки истории Грузии (в 8-ми т.). Т. 1. Тбилиси, 1989, с. 188; Лашхия Ш. Давайте подумаем об этом вместе // Советская Абхазия, 1989. 30 сентября; Ломоури Н. Ю. Некоторые вопросы ранней истории Абхазии (Ответ профессору Ш. Д. Инал-Ипа) // Известия Академии наук Грузинской ССР. История, этнография и история искусства. 1990. № 3, с. 158-173 и др.

⁴ Мибчуани Т. Ш. Из истории этногенеза, расселения и культуры западногрузинских горцев. Тбилиси, 1989 (на груз. яз.); Е го же. Кто были «суано-колхи»? // Народное образование, 1989. 10 декабря (на груз. яз.).

⁵ Анчабадзе З. В. Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороквы «Георгий Мерчуле - грузинский писатель X века» // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми, 1956. Т. 27, с. 162-165; Е го же. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959, с. 14-16; Е го же. История и культура древней Абхазии. М. 1964, с. 136-137; Инал - Ипа Ш. Д. Абхазы (Историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965, с. 79, 89-90, 94-95; Е го же. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976, с. 182-189, 231-235; Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазской АССР (в 2-х т.), Т. 1. Сухуми, 1960, с. 37-38; Е го же. Страницы истории // Абхазская АССР (Под ред. М. К. Делбы). Сухуми, 1961. с. 15; Гунба М. М. Абхазия в I тысячелетии нашей эры, Сухуми, 1989, с. 140-146, 151-156.

⁶ Инал-Ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности. Сухум, 1992, с. 12; Ашхаруа А. Абхазия: Настоящее невозможно понять без осмысления прошлого // Советская Адыгея, 1993, 20 июля; Папаскири А. Дружить могут только равные в правах // Единение, 1990. 3 июня.

- ⁷ **Инал-Ипа Ш. Д.** Абхазы (Историко-этнографические очерки). Сухуми. 1965, с. 68; Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазской АССР (в 2-х т.), Т. 1. Сухуми, 1960, с. 24; Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М. 1964, с. 158-160.
- ⁸ **Бердзенишвили Н. А., Джавахишвили И. А., Джанашиа С. Н.** История Грузии (в 2-х ч.). Ч. 1. С древнейших времен до начала XIX в. Тбилиси, 1950, с. 91; Его же. История Грузии (в 2-х т.). Т. 1. С древнейших времен до 60-х годов XIX в. (в соавт. с В.Д. Дондуа, М.К. Думбадзе и др.). Тбилиси, 1962, с. 85; Амиранашвили Ш. История грузинского искусства. М. 1963, с. 90; Тухашвили Л. Государственность: этап развития // Заря Востока, 1989, 26 мая; Беридзе В. В. Грузинская архитектура «раннехристианского» времени (IV - VII вв.) Тбилиси, 1974, с. 4-5.
- ⁹ **Амиранашвили Ш.** Указ. соч., с. 113-114; Беридзе В. В. Грузинская архитектура с древнейших времен до начала XX в. Тбилиси, 1967, с. 59; Джанберидзе Н. Ш., Цицишвили И. Н. Архитектура Грузии от истоков до наших дней. М., 1976, с. 41-42 и др.
- ¹⁰ **Анчабадзе З. В.** Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959, с. 24-25; Инал - Ипа Ш. Д. Абхазы (Историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965, с. 113-114; Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазской АССР (в 2-х т.), Т. 1. Сухуми, 1960, с. 44.
- ¹¹ **Дзидзария Г. А.** Очерки истории Абхазской АССР (в 2-х т.). Т. 1. Сухуми, 1960, с. 48-49, 64-65, 70-71.
- ¹² **Дзидзария Г. А.** Очерки истории Абхазской АССР (в 2-х т.). Т. 1. Сухуми, 1960, с. 48-49, 64-65, 75-76.
- ¹³ **Беридзе В. В.** И тенденциозность, и некомпетентность // Заря Востока, 1989, 7 апреля; Чабукиани Р. Р. Прелюдия трагедии Абхазии. Кутаиси. 1995, с. 28.
- ¹⁴ **Лордкипанидзе О. Д.** Археология в Грузинской ССР. Тбилиси, 1982.
- ¹⁵ **Марыхуба (Мархолия) И. Р.** (ред.). Абхазские письма (1947 - 1989). Сб. документов в двух томах. Т. I. Акуа (Сухум): Эль-Фа, 1994, с. 364- 373.
- ¹⁶ Большой энциклопедический словарь (Издание второе, переработанное и дополненное). М.-СПб., 1997, с. 620.
- ¹⁷ **Инал-Ипа Ш. Д.** Абхазы (Историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965, с. 22-23; Его же. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976, с. 45-49, 223-224.
- ¹⁸ **Инал-Ипа Ш. Д.** Ступени к исторической действительности. Сухум, 1992, с. 62.
- ¹⁹ **Кахидзе М., Мишвеладзе Р., Мебуришвили Т., Джулухидзе Г.** Это ли патриотизм и справедливость страны // Молодой коммунист (Тбилиси), 1989, 6 мая (на груз. яз.).
- ²⁰ **Дзидзоев В. Д.** Национальная политика: уроки опыта (3-е издание). Владикавказ, 2002. с. 210.
- ²¹ **Дзидзоев В. Д.** Национальная политика: уроки опыта (3-е издание). Владикавказ, 2002. с. 187-88, 198-200, 209-210.
- ²² **Акаба Н. О.** О некоторых популярных мифах // Аспекты грузино-абхазского конфликта (Ред. П. Гарб и др.). (В 2-х т.). Т. 2. Сухум, 1999, с. 14-15.
- ²³ История Грузии (Учебник: авторы Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С. на грузинском и русском языках) (в 2-х частях). Ч. I. С древнейших времен до начала XIX в. (Второе издание). Тбилиси, 1950, с. 20-45; 80-102.
- ²⁴ История Грузии (Учебник: авторы Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С. на грузинском и русском языках) (в 2-х частях). Ч. I. С древнейших времен до начала XIX в. (Второе издание). Тбилиси, 1950. с. 7.
- ²⁵ Понтийское царство (Понт), эллинистическое государство в Малой Азии в 302 (или 301) - 64 до н. э. (на южном берегу Черного моря). Наивысшего расцвета достигло в конце II в. при Митридатe VI, завоевавшем Боспорское государство и другие территории.
- ²⁶ История Грузии..., с. 152-153; 164-165.
- ²⁷ История Грузии..., с. 32-38.
- ²⁸ **Меликишвили Г. А.** К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
- ²⁹ **Меликишвили Г. А., Лордкипанидзе О. Д.** (ред.). Очерки истории Грузии (в 8-ми томах). Тбилиси, 1989. Т. 1, с. 206-208.
- ³⁰ В качестве конкретного примера можно сослаться на концепцию Мариам Давидовны Лордкипанидзе о сильном Колхидском царстве и непрерывной грузинской государственной традиции на протяжении 2500 лет (Лордкипанидзе М. Д. Абхазы и Абхазия (на грузинском, русском и английском языках). Тбилиси, 1990, с. 39-45). Образцом грузинского шовинизма и субъективизма является «научный вывод» М. Д. Лордкипанидзе о том, что абхазы «безусловно, исторически и культурно были грузинами» (там же, с. 59).
- ³¹ **Абаев В. И.** Блеск и нищета золотого тиснения (по поводу книги: А. М. Кумахов, З. Ю. Кумахова. Язык адыгейского фольклора. Нартский эпос. М., 1985) // Известия Юго-Осетинского НИИ АН Грузинской ССР. Вып. XXX. Тбилиси. 1987, с. 202.
- ³² **Гулиа Дмитрий Иосифович** (1874-1960), писатель, историк, народный поэт Абхазии (с. 1937 г.), просветитель, зачинатель абхазской литературы. Как признанный специалист привлекался к работе над совершенствованием абхазского алфавита, созданного на основе русской графики царским генерал-майором П. К. Усларом (1816-1875) в 1862 г. При его помощи в 1892 г. в Тбилиси издали абхазскую азбуку, положившую начало обучению абхазов на своем языке. В 1937-1938 гг. участвовал в составлении нового абхазского алфавита на основе грузинской графики. Дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР (в 1954 и 1958 гг.).
- ³³ **Гулиа Д. И.** История Абхазии. Т. I. Тифлис, 1925.
- ³⁴ **Гулиа Д. И.** История Абхазии. Т. I. Тифлис, 1925., с. 146-147.
- ³⁵ **Гулиа Д. И.** История Абхазии. Т. I. Тифлис, 1925., с. 82.
- ³⁶ **Гулиа Д. И.** История Абхазии. Т. I. Тифлис, 1925., с. 143.
- ³⁷ **Гулиа Д. И.** История Абхазии. Т. I. Тифлис, 1925., с. 192-222.
- ³⁸ **Ашхацава С. М.** Пути развития абхазской истории. Сухум, 1925.
- ³⁹ Тамара (Тамар) (около середины 60-х гг. XII в. - 1207 г.), царица Грузии (1184-1207 гг.). В ее царствование Грузия добилась больших военно-политических успехов. Большая доля в них принадлежит мужу Тамары и соправителю Грузии выдающемуся полководцу средневековья осетинскому царевичу Сослану-Давиду.
- ⁴⁰ **Ашхацава С. М.** Указ. соч., с. 5-7.
- ⁴¹ **Басария С. П.** Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923.

- ⁴² **Басария С. П.** Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923, с. 43,49-50.
- ⁴³ Большой энциклопедический словарь (Издание второе, переработанное и дополненное). Москва-Санкт-Петербург, 1997, с. 8.
- ⁴⁴ История Абхазии (Учебное пособие. Авторы: З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария, А. Э. Куправа). Сухуми, 1986.
- ⁴⁵ История Абхазии (Учебное пособие. Авторы: З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария, А. Э. Куправа). Сухуми, 1986, с. 59
- ⁴⁶ История Абхазии (Учебное пособие. Авторы: З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария, А. Э. Куправа). Сухуми, 1986.
- ⁴⁷ История Абхазии (Учебное пособие. Авторы: З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария, А. Э. Куправа). Сухуми, 1986.
- ⁴⁸ **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия (Второе дополненное издание). Сухуми, 1982. с. 10.
- ⁴⁹ История Абхазии (Учебное пособие). Сухуми, 1986. с. 163.
- ⁵⁰ История Абхазии (Учебное пособие). Сухуми, 1986, с. 163-164.
- ⁵¹ Под «национальным самосознанием» подразумевается не «абхазский национализм», «сепаратизм» и антигрузинские настроения, а совокупность взглядов, оценок, мнений, выражающих содержание и уровень представлений того или иного народа (нации) (в данном случае абхазов) о своей истории, о своем происхождении, перспективах своего развития, взаимоотношений с соседними и другими народами.
- ⁵² Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. с. 203.
- ⁵³ Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. с. 203.
- ⁵⁴ В современной историографии «нация» («единая нация») (лат. *patio* -племя, народ) имеет полисемантическое понятие, применяемое для характеристики крупных социокультурных общностей индустриальной эпохи. Ученые признают, как правило, два основных подхода в интерпретации нации: 1. этническая общность («этнонация») с единым языком, культурой, этногенезом, территорией проживания и единым национальным самосознанием. Сторонники такого подхода до сих пор во многом придерживаются дефиниции нации, которую дал в 1913 г. И. В. Сталин в работе «Марксизм и национальный вопрос»: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, - писал Сталин, - возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Соч., т. 2, с. 296); 2. политическая или государственная общность («политическая нация») граждан определенной государства (например, России или Грузии). Сторонники такого подхода в России во главе с директором Института этнологии и антропологии РАН, членом-корреспондентом РАН В. А. Тишковым избрали ориентацию на гражданско-этноисторическую трактовку нации как совокупности граждан одного государства (по примеру США). Согласно такой точке зрения русские, чеченцы, евреи, грузины, татары, осетины и другие народы, проживающие в России, являются представителями единой «российской нации». Однако такая трактовка вопроса вызывает серьезные и обоснованные возражения значительной части отечественных исследователей.
- ⁵⁵ **Юферова Я., Эдуард Шеварднадзе:** «Я думал, жизнь закончилась» // Комсомольская правда, 1993, 12 октября.
- ⁵⁶ **Дзидзоев В. Д.** Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование) (Второе издание). Владикавказ, 2004. с. 80.
- ⁵⁷ **Сталин И. В.** Соч., т. 2. с. 307.
- ⁵⁸ Цит. по: Абхазия: документы свидетельствуют. Сухум, 1994. с. 14.
- ⁵⁹ **Сталин И. В.** Соч., т. 2. с. 350.
- ⁶⁰ Социология. Энциклопедия. Минск, 2003, с. 617.
- ⁶¹ Социология. Энциклопедия. Минск, 2003, с. 617.

Источник:

Кавказоведение: опыт исследований

Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13-14 октября 2005 г.)